

**ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РОССИИ: ОТ ГИБРИДНОСТИ РИСКОВ К
КОМПЛЕКСНОСТИ ОТВЕТА**

Евстафьев Д. Г.¹

Цель статьи – определить характер вызовов для развития России в условиях частичного разрушения традиционной архитектуры и институциональной структуры системы глобализации. Трансформации в системе международных политических и экономических отношений, связанные с торможением глобализации и началом процессов регионализации мировой экономики на фоне повышения агрессивности борьбы за доминирование в ключевых узлах глобальной политики и экономики. Ключевым и потенциально наиболее острым трансформационным процессом является регионализация глобальной экономики, которая выражается в формировании региональных экономических, а, в перспективе, – и политических систем, формирующих собственные «пространства вовлечения». В результате ревизии подвергается сложившаяся в период поступательно развивающейся глобализации система отношений по линии «постиндустриальная метрополия» – «промышленная полупериферия» – «ресурсная периферия», воссоздавая условия для конкуренции за контроль над пространством. Геополитические трансформации к тому же обостряют конкуренцию между национальными государствами и сетевыми структурами. В результате – такое развитие ситуации ставит Россию перед необходимостью пересмотра многих ключевых подходов в своей стратегии развития государственности и противостояния возникающим рискам стабильному и устойчивому развитию страны. В системе глобальных политических и экономических отношений возникает эффект пространственной и содержательной гибридности вызовов, приобретающий в отношении России в ряде случаев исключительно острый характер, в том числе и связанный с необходимостью конкурировать за влияние в пространстве постсоветской Евразии. Требуется принципиальное изменение подходов к планированию государственной политики с существенным повышением ее содержательной комплексности и географической сбалансированности.

Ключевые слова: глобальные трансформации, регионализация экономики, гибридные угрозы, пространственное развитие.

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич – кандидат политических наук, профессор Департамента интегрированных коммуникаций, Факультет коммуникаций медиа и дизайна Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, адрес: 109028, Россия, г. Москва, Хитровский переулок, д. 4, стр. 10; e-mail: estd1212@yandex.ru

---

**CHALLENGES FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIA: FROM HYBRID RISKS
TO COMPLEX REACTION STRATEGY**

EVSTAFIEV D. G. – Candidate of Political Sciences, Professor of the Department of Integrated Communications, Faculty of Communications, Media and Design National Research University – Higher School of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: estd1212@yandex.ru

The purpose of the article is to determine the nature of the challenges for the development of Russia in conditions of partial destruction of the traditional architecture and institutional structure of the globalization system. Transformations in the system of international political and economic relations associated with the inhibition of globalization and the beginning of the processes of regionalization of the world economy on the background of increasing aggression in the struggle for dominance in key moments of global politics and economics. The key and potentially most acute transformational process is the regionalization of the global economy, which is expressed in the formation of regional economic, and, in the future, political systems that form their own “spaces of involvement”. As a result of the audit, the system of relations developed along the lines of “postindustrial metropolis” – “industrial semi-periphery” – “resource periphery”, which creates the conditions for competition for control over space, is revised, and geopolitical transformations also aggravate competition between national states and network structures. As a result, such development of the situation puts Russia in need of revising many key approaches in its strategy for developing statehood and confronting the emerging risks with the country's stable and sustainable development. In the system of global political and economic relations, an effect of spatial and substantial hybridity of challenges arises, which in some cases acquires an extremely acute character, including the need to compete for influence in the space of post-Soviet Eurasia. A fundamental change in approaches to planning public policy is required with a significant increase in its substantive complexity and geographical balance.

Keywords: global transformations, regionalization of the economy, hybrid threats, spatial development.

Вместо введения: рамочные условия развития

Система глобальной политики и экономики находится на пороге трансформаций, связанных с торможением глобализации и невозможностью

дальнейшего развития глобализации на базе глобализации финансово-инвестиционных процессов и унификации социальных. Возникают непреодолимые экономические асимметрии, главной из которых является невозможность поддержания нынешнего уровня изъятия инвестиционной ренты из реального сектора глобальной экономики и использования ее для кредитной накачки американского финансового рынка. Как минимум, частичное разрушение традиционной архитектуры и институциональной структуры системы глобализации признаётся крупнейшими западными специалистами¹. Россия, являющаяся частью системы глобальной экономики и имеющая существенные «экспортные» зависимости, как структурные, так и географические, будет ощущать последствия этих трансформаций ещё более обострённо в силу санкционной политики и политизации экономических отношений с Западом.

Выступая на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме в июне 2019 г., Президент Российской Федерации В.В.Путин² отмечал неизбежность глобальных трансформаций и регионализации мировой экономики. Президент обозначил два сценария развития процессов: относительно мягкий, когда экономическая и неизбежная политическая регионализация развиваются относительно эволюционно, в рамках определённых правил игры и при сохранении ключевых глобальных институтов. И «жёсткий», когда на фоне нарастающей политизации экономических проблем произойдёт слом всей институциональной структуры системы международных отношений и помимо политизации экономики, сейчас находящейся на относительно высоком уровне, возникнет эффект активного использования в регулировании экономических процессов и конкурентной борьбе военно-силовых инструментов.

Две эти модели развития геоэкономической регионализации по своей сути являются двумя моделями формирования новой глобальной полицентричности, а затем, возможно, и многополярности в различных формах³. При любом сценарии развития для развития нашей страны возникают качественно новые вызовы, требующие качественно же новых управленческих и организационных решений.

---

¹ Haas R., «How a World Order Ends And What Comes in Its Wake»//Foreign Affairs, January/February 2019. Электронный ресурс. – URL:<https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends> (дата обращения:10.04.2019).

² Пленарное заседание Петербургского Международного экономического форума. Владимир Путин выступил на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. 7 июня 2019 года, 17:50, Санкт-Петербург. Электронный портал Президент Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60707>(дата обращения:10.04.2019).

³ Барановский В. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 5. – С. 7–23.

Проблематизация: рамочные условия

Главный предварительный вывод, вытекающий из оценки глобальной политической и экономической ситуации, может быть сформулирован следующим образом:

Глобальные геоэкономические трансформации затронут Россию по объективным причинам, в силу её «веса» с точки зрения контроля пространства, контроля над значимыми ресурсами и ресурсными зонами. Но в силу наложения на объективные тенденции целого ряда субъективных обстоятельств последствия трансформаций не будут иметь для нашей страны только экономического или даже геоэкономического выражения. Они всегда будут носить гибридный характер с большим влиянием военно-силовых факторов, а также политико-идеологическое, го противоборства.

Это диктует специфику целеполагания в экономическом развитии России, требуя существенно более высокого уровня комплексности, а также увеличения значимости стратегических, а, как минимум, среднесрочных (5–6 лет) действий по сравнению с управлением экономикой индикаторов.

В феврале 2019 года Правительство утвердило «Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»¹. Этот документ является важным свидетельством понимания руководством страны важности трансформации пространственной архитектуры российской экономики и повышения логистической и экономической связности территории России. Документ основан на традиционных представлениях о степени увязанности внешне- и внутриэкономических процессов и исходит из «консервативного» сценария развития глобальной геоэкономической и геополитической ситуации. По мере обозначения более радикальных возможностей развития геоэкономической ситуации в мире его следовало бы несколько скорректировать, усилив и социально-политическую составляющую

Правомерно выдвижение следующей гипотезы:

Ключевым фактором в будущей системе глобальной экономики международных отношений станет степень адаптированности внутренней экономической структуры страны к новой конфигурации глобальной экономики и возможность доступа к ключевым источникам ренты. Этими источниками, вероятно, станут: энергетические, логистические и технологические ресурсы. Такой подход потребует формирования принципиально новой социально-экономической, пространственной и управленческой архитектуры в России, что, в свою очередь, определяет специфику целеполагания. Возникающие приоритеты могут быть структурированы следующим образом:

---

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года.//Электронный портал Правительства РФ. – URL: <http://government.ru/docs/all/120647/>((дата обращения:10.04.2019).

– **Задача–минимум:** сохранение статуса полупериферии ключевых регионализированных центров экономического роста при сохранении под национальным контролем критических звеньев важнейших технологических цепочек. Ключевой задачей становится устойчивость государственной системы, что допускает консервацию социальных отношений. На данном уровне гибридность задач выражена ещё относительно слабо. «Волновой» характер эффективности государственных программ в сфере импортозамещения уже на данной фазе указывает на невозможность формирования драйверов экономического роста только за счёт внутренних экономических решений даже по тем отраслям, где имелся значительный незаполненный (в том числе и в результате контрсанкций) внутренний рынок¹.

– **Задача–оптимум:** в дополнение к выполнению задачи-минимум – получение прямого доступа, как минимум, к одному новому региональному центру экономического роста и участие ещё в одном. Для России это означает необходимость активной политики в отношении Прикаспийского центра экономического роста и окружающего его пространства, а также создание внутри – и внешнеполитических инструментов влияния на ситуацию в Восточно-Азиатском центре экономического роста. На уровне «задачи-оптимум» возникает ярковыраженный эффект гибридности возникающих задач и невозможности в полной мере разделить внутренние и внешние задачи государства. Национальные проекты являются инструментом обеспечения выполнения «задачи-оптимум» при условии относительной военно-силовой стабильности в Евразии и по её периферии.

– **Задача–максимум:** в дополнение к задаче–оптимум означает, как минимум, начало формирования ядра собственного инвестиционного пространства, выходящего за форматные и географические рамки постсоветской Евразии, хотя формирование контролируемого Россией расчётного, а затем и инвестиционного пространства в Новой Евразии должно быть начальной фазой выполнения задачи. Только после этого можно рассчитывать на подключение к подобному расчётно-инвестиционному пространству других государств, обладающих существенно большим финансовым потенциалом².

– Выполнение задачи–минимум гарантирует нашей стране выживание на приемлемом социально-экономическом уровне, оптимум – развитие, а максимум – субглобальное политическое влияние, получающее в посткризисном мире более комплексную, синергичную экономико-политическую природу, нежели в мире

---

¹ Широкова О.В., Назаренко В.С. Государственная политика импортозамещения: предварительные итоги и тенденции// Экономические отношения. – 2017. – Том 4. – № 4. – с.344– 357

² Калиев Т. «Расширение ЕАЭС за счет Турции или Индии изменит баланс сил в союзе – казахстанский эксперт»//Евразия.Эксперт. Аналитический портал. 8 апреля 2019 г. – URL.: <http://eurasia.expert/rasshirenje-eaes-za-schet-turtsii-ili-indii-izmenit-balans-sil-v-soyuze/>(дата обращения:10.04.2019).

активно развивающейся глобализации. Но выполнение этих задач имеет устойчивый смысл только при условии не просто сохранения формального государственного единства, но экономической интегрированности страны и повышения системы пространственного стратегического управления важнейшими экономическими процессами.

– Сформулируем гибридную, по сути, операционную задачу развития, объединяющую внешнюю политику и приоритеты внутреннего экономического развития:

– *Создание условий для экономически эффективной и осмысленной интеграции России в новые пространства регионализованного экономического роста без утраты национального суверенитета на базе новой архитектуры внутренней российской экономики. Все три модели развития, включая и ориентацию на задачу-минимум, подразумевают необходимость комплексного развития и в той или иной степени изменение сложившихся экономических связей.*

Базовое предположение

Регионализация глобальной экономики является доминирующей тенденцией глобального развития. Ключевые вопросы, касающиеся ее, сводятся лишь к глубине процессов регионализации, насколько они затронут основные структурные элементы глобализации (прежде всего финансовую и инвестиционную систему) и то, насколько удастся сохранить институциональную структуру глобализации¹. Регионализация опирается не только на последствие политических трансформаций последнего времени, но и на особенности технологического развития. Это, с одной стороны, стимулирует потребность, а с другой стороны, обеспечивает возможность реализации геоэкономической стратегии относительной экономической самодостаточности в противовес абсолютизируемой концепции неограниченного технологического и операционного разделения труда. Экономическая самодостаточность в условиях сочетания геоэкономической реализации и технологической «четвёртой промышленной революции»² становится и желательной, и возможной. Но это же делает крайне проблематичным использование либеральных парадигм стратегического управления экономикой с использованием элементов инвестиционной взаимозависимости и институциональных гарантий стабильности экономической системы³.

С учетом «наследия» эпохи неограниченной глобализации это ставит на

---

¹ Варнавский В. Глобализация и структурные сдвиги в мировом производстве. // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 1. – С. 25–33.

² Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. – М.: ЭКСМО, 2018. – 320 с.

³ Nye Joseph S. Jr. «Will the Liberal Order Survive?». The History of an Idea // Foreign Affairs, January/February 2017. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2016-12-12/will-liberal-order-survive>. (дата обращения: 03.02.2019).

повестку дня формирование макрорегионов, в рамках которых государства, корпоративные и негосударственные, а также ресурсные пространства объединены в единые социально-экономические системы на основе связей, включающих в себя не только компоненты чисто экономической и технологической взаимозависимости. Такая модель регионализации непоследовательно осуществляется в рамках ЕС, всё больше склоняющегося к концепции «Европы разных скоростей», но проблемой становится очевидная военно-силовая несамодостаточность ЕС, включая неспособность обеспечить военную безопасность собственной периферии.

Глобальная гибридизация и риски для России

Гибридизация вызовов безопасности и развитию России, усиление комплексности рисков ее экономике и социально-политическому развитию являются частью текущей политической реальности современного этапа развития нашей страны. Гибридные риски в настоящее время проявляются неравномерно как с точки зрения темпов развития, так и в плане остроты формируемой ситуации.

Глобальные трансформации, наложившись на повышение уровня политизированности в мировой экономике, создают эффект гибридных вызовов, затрагивающих экономику России и её политические институты. Гибридный вызов может быть определен как:

Не разрешимая в рамках системы текущих действий ситуация внутреннего характера или формально возникающая вне национальных границ государства, создающая угрозу функционирования важнейших для развития государства и общества систем, которая для своего разрешения подразумевает одновременное и синергичное задействование как внутренних, так и внешнеполитических механизмов и инструментов государства. Гибридность может быть предварительно определена как **качественно усиленная и пространственно продолженная трансграничность**, основанная на глубинной перестройке системы мирохозяйственных связей и возникновении в ряде случаев эффекта «снежного кома» при разрушении традиционно существовавшей системы хозяйственных и социальных связей. Гибридизация вызовов развитию касается большинства развитых стран, но Россию в силу особенностей геополитического и геоэкономического положения она затрагивает особенно.

Особенностью ситуации становится каскадность вызовов, то есть формирование на основе геополитического, формально внешнеполитического вызова нескольких вызовов и рисков, преломляющихся во внутриэкономическом и внутривнутриполитическом контексте. Ключевыми подобными вызовами следует считать:

– Возникновение ситуации политического и/или военно-силового конфликта, связанного с противоборством региональных центров силы или интервенцией против одного из потенциальных региональных центров силы. С учетом относительной узости экспортных возможностей России и завязанности экспорта на относительно незначительном количестве товаров и логистических коридоров для

ВНЕШНИЙ МИР И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

их вывоза, это может создать реальные сложности, сравнимые или даже превышающие сложности начала 1990-х годов. Россия пока не смогла в полной мере реализовать принцип геоэкономической многовекторности развития.

– Активизация радикальных политических и/или религиозных сетевых течений в пространствах, сопредельных национальной территории Российской Федерации (в основном это касается стран постсоветской Евразии). Результатом подобных процессов может стать внутреннее разрушение сопредельных государств, включая государства-партнёры, и формирование пространств неясной/неопределённой практической юрисдикции, возникновение неконтролируемых миграционных и экономических потоков, что будет особенно чувствительно в случае наличия в пределах национальной территории России родственных национальных и религиозных групп, реализуя эффект «трансграничности» угроз¹.

– Втягивание отдельных регионов России в процессы формирования новых региональных центров экономического роста. Такие процессы уже ощутимы на Дальнем Востоке, но могут проявиться и в Прикаспии, а также Причерноморье. Нельзя исключать возникновение таких процессов и на Северо-Западе России, хотя это возможно только при условии возобновления интереса «коллективного Запада» (а данном случае обобщающий подход вполне методологически легитимен) к формированию регионального центра экономического роста в Балтийском регионе, ныне пребывающем в упадке. Но это вряд ли возможно на чисто экономической основе, только как часть политики гибридного давления на Россию, когда военно-силовая напряжённость дополняется формированием ситуации «чёрной дыры» на её границе.

– Возникновение рисков, связанных с попытками региональных центров силы создать доминирующие военные потенциалы, включая вопросы разработки оружия массового уничтожения или ракетного оружия. Россия не заинтересована в формировании в своем непосредственном геополитическом окружении новых центров военного влияния, способных инициировать на этой основе перераспределение влияния политического и экономического контроля, а возможно, и поставить под угрозу локальное и/или региональное доминирование России. Проблема в том, что Россия имеет относительно незначительные возможности влиять на этот процесс.

---

¹ Трансграничность военно-силового характера обуславливается целым рядом факторов, не имеющих прямого отношения к военной сфере и отражающих новую роль пространства и системных связей, его интегрирующих, включая и коммуникации. Нуждается в глубокой переоценке сам термин «театр военных действий», особенно учитывая востребованность гибридных инструментов военно-силового давления в пространствах, своего рода «серые зоны» влияния и военной стабильности. Источник: Голубев Д. С. Факторы вероятности трансграничного распространения внутригосударственных вооруженных конфликтов//Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 41– 58.

ВНЕШНИЙ МИР И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

– Социально-экономическая или политическая деградация транзитных пространств (государств), возникновение ситуации слабоуправляемого «дикого поля» с элементами приватизации важнейших в геоэкономическом плане транзитных коридоров и возникновением слабо контролируемых военно-силовых рисков, ограничивающих доступ России к значимым глобальным рынкам. Тенденции во внутреннем развитии постсоветских государств свидетельствуют, что такая ситуация может сложиться не только в отношении Украины.

– Возникновение пространственных анклавов, контролируемых различными субгосударственными участниками экономических и политических отношений (от радикальных политико-религиозных течений до криминальных структур – примером последнего является Молдова, где подобный риск реализовался в механизмах вывода масштабных денежных средств из российской экономики), выведенных за рамки глобальных, региональных или национальных механизмов регулирования.

– Формирование в прилегающих к России цивилизационных и экономических пространствах потенциально деструктивных идеологических парадигм, включая и новые синкретические религиозные культы и движения, имеющих потенциал проникновения и влияния на территории России.

Констатация

Для современной России классическим проявлением каскадной гибридности вызовов развитию становится борьба за присутствие на внешних рынках, наиболее важных для экспортных товаров. Ключевые рынки российских экспортных товаров становятся всё более политизированными (глобальный рынок углеводородов, глобальная и субглобальная логистика, рынок вооружения, даже рынок продовольствия всё более становится предметом политических и геополитических игр), более того, уже сейчас очевидно, что для их обеспечения в обозримом будущем потребуется задействование военно-силовых инструментов. Но одновременно обеспечение устойчивости экспорта, обеспечивающего устойчивость социально-экономической системы страны и стабильность в ключевых регионах страны, требует изменения логистической структурированности России, формирования новых очагов экономического роста, смягчающих зависимость от традиционных внешних рынков. Но геоэкономическая многовекторность, частным случаем которой является пресловутый «разворот на Восток», невозможна без принципиального изменения отраслевой структуры России и создания соответствующих поддерживающих социальных институтов и новых экономических пространств.

Иными словами: «каскадная гибридность» возникающих перед Россией рисков выражается в том, что для решения формально внешнеэкономических задач нужно задействовать все инструменты национальной мощи развития, включая военно-силовые, а в среднесрочном контексте обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие не только регионов, сориентированных на экспорт, но и

регионов, обеспечивающих экспортные операции. Развитие экспортной экономики становится в современных условиях принципиально невозможно отделить от развития внутренней составляющей экономики. «Каскадная гибридность» создаёт эффект неразделимости внешних и внутренних вызовов развитию российской государственности.

Проблема современной ситуации в том, что указанная «каскадная гибридность», элементы которой существовали всегда, но зачастую игнорировались, в современных условиях начинает оформляться в крайне быстром темпе и приобретать характер доминирующей геоэкономической тенденции, сдерживаемой только доминированием глобализационных парадигм в финансово-инвестиционной сфере.

Трансформации внутренней экономической географии как инструмент геополитики

На сегодняшний день пространственная архитектура российской экономики не является адекватной новым вызовам и новым геоэкономическим процессам. Она не является в полной мере адекватной даже стратегии расширенного/стратегического партнёрства с Европейским союзом, не отражающей сейчас ни внутренней динамики ЕС, ни объективно формирующихся геоэкономических реалий вокруг России, ключевой из которых становится превращение постсоветской Евразии в пространство конкуренции с другими активными центрами силы. Пространственное развитие, при условии комплексного подхода дает возможность расширения возможностей маневра в сфере геоэкономики¹.

Ключевой задачей пространственного развития Российской Федерации является опережающая адаптация эконом-географической структуры России с точки зрения промышленного, логистического, инвестиционного и социального потенциала к стратегическому взаимодействию с перспективными субглобальными и региональными центрами экономического роста. Сейчас Россия не имеет прямого доступа ни к одному из главных, глобально – значимых центров экономического роста (перечисление) и обладает доступом только к одному центру экономического роста «второго ряда» – в Прикаспии, становящемуся уже сейчас объектом интенсивных манипуляций. Этого, как было сформулировано, достаточно для умеренного развития, но недостаточно для расширения влияния на глобальные не столько экономические, сколько политические процессы.

---

¹ Евстафьев Д. Постглобализация и пространственное развитие России// Эксперт. – 2019. – №14 (1114). – С. 70 – 75

Проблема пространственного развития России в том, что архитектура российской экономической географии – это потенциал, трансформируемый в уязвимость в зависимости от уровня эффективности системы российского государственного управления и в зависимости от способности государственной власти встраивать локальные интересы в процессы общегосударственного развития. Насущной потребностью становится выход в вопросах пространственного развития за пределы классической методологии «размещения производительных сил» и перехода к более комплексной системе оценки эффективности развития, поднимающейся над ранее сформировавшимися стереотипами восприятия вопроса, включая и проблематику территориального устройства Российской Федерации, которая должна быть, как минимум, на краткосрочную перспективу экономизирована. Но пространственное развитие не может рассматриваться только в контексте внутреннего экономического развития и социально-экономической стабилизации¹. Пространственное развитие должно пониматься как часть процесса получения Россией новых возможностей развития и влияния в меняющейся архитектуре глобальной политики и экономики.

В качестве базовых принципов организации пространственного развития обозначим следующие компоненты:

Первое. Подходы к пространственному развитию внутри страны должны иметь геоэкономическую основу. Россия будет бороться за присутствие и влияние в новой глобальной геоэкономике в крайне неблагоприятных внешних условиях, возникших как в результате усиления политического и военно-силового давления, так и в результате общего усиления конкуренции в системе международных отношений. Результирующий эффект пространственного развития должен заключаться в создании лучших условий для встраивания в глобальную экономику, в систему формирующихся регионализированных и субглобальных центров экономического роста.

Второе. Условием успешности любых программ пространственного развития является социальная сбалансированность. Главная цель пространственного развития – социальная устойчивость в масштабах макрорегионов, гарантирующая от перерастания локальных, частных кризисов в крупномасштабные.

---

¹ Соответственно этому инструментарий должен включать в себя не только инструменты, связанные с внутренними трансформациями, но и более широкий набор инструментов, в частности, связанных не только с экономическим, но и политическим присутствием на внешних рынках. Вопрос не может ограничиваться только «геостратегическим статусом» той или иной территории [Зубаревич Н.В. «Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты». Вопросы экономики. 2019. – №1: – С.140–142], но значением этой территории с точки зрения доступа к новым центрам экономического роста и участием в формирующихся там экономических и технологических цепочках. Соответственно этому классический «формально-инвестиционный» подход не является в полной мере адекватным.

Пространственное развитие должно создавать новые социально – устойчивые пространства, в которых развитие осуществляется на базе прозрачных и легальных общественных институтов, возникающих вокруг реального сектора экономики, а не становящихся результатом информационных и иных манипуляций. Пространственное развитие – инструмент отхода от экономики индикаторов, то есть чрезмерно формализованных и зачастую оторванных от реальной экономики. Пространственное развитие само по себе есть внутренне содержательная вещь, но главное – обеспечить его социальную, а не только индустриальную или инфраструктурную направленность.

Третье. Особо следует отметить вопросы, связанные с повышением уровня инфраструктурной связности страны, о чем говорил Президент России В.В. Путин¹. Эту задачу невозможно решить в рамках существующей парадигмы пространственного развития со свойственной ей инерцией. Эта инерция сформировалась под влиянием диспропорций советского периода хаотических экономических процессов «девяностых» и «нулевых». В настоящее время модель пространственного развития испытывает влияние процессов, связанных с формированием в Евразии новых глобальных логистических коридоров. Участие России в таких процессах должно стать инструментом управления внутренним пространством России и укрепления логистической связности, а не средством геоэкономического расчленения внутреннего экономического пространства и появления пространств с формальной (юридически закрепленной) или фактической экономической экстерриториальностью. Пока существуют значительные риски во внедрении через глобальные логические пространства значимых элементов экстерриториальности².

Четвертое. Поволжье в контексте глобальных трансформаций становится одним из ключевых регионов. Очевидно, что для того, чтобы говорить об иных направлениях пространственного развития (Дальнем Востоке и, возможно, в перспективе Причерноморье), надо полностью исключить возможность внешней политической и тем более экономической манипулятивности в регионе Прикаспия. А это почти автоматически выводит на первый план задачу превращения бассейна р. Волги и приволжских регионов, в особенности Нижней Волги, являющейся ключевым логистическим пространством и зоной межкультурного взаимодействия (по определению, наиболее уязвимыми точками в случае внешних манипуляций) в ключевой центр экономического роста, обладающий значительным инвестиционным потенциалом, но дающий возможность

---

¹ Послание Президента В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации на 2019 год. Электронный ресурс «Президент России». – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>. (дата обращения: 10.03.2019).

² Мехдиев Э.Т. Евразийские транспортные коридоры и ЕАЭС// Международная аналитика, №2 (24). – 2018. – С.47 – 56. – URL: [https://mgimo.ru/upload/2018/07/IA-2\(24\)-2018ed.pdf](https://mgimo.ru/upload/2018/07/IA-2(24)-2018ed.pdf).

практической и экономически осмысленной реализации принципов геоэкономической многовекторности¹.

Пятое. Выбор Поволжья в качестве пилотного и тестового региона для апробации новых моделей и механизмов пространственного развития, в особенности с точки зрения управления инвестиционными процессами, потребует глубокого переосмысления подходов к реиндустриализации России как неизбежной реакции на геоэкономические трансформации. Поволжье в силу объективных социальных и экологических ограничений является регионом, где единственно приемлемой становится модель создания «параллельной» промышленности с формированием новых или, как минимум, преимущественно новых технологических цепочек со значительным задействованием механизмов четвёртой промышленной революции, с прикладной, а не социально-конструктивистской трактовкой и новой индустриальной экологичностью. Более того, Поволжье может и должно стать основой для разработки новых принципов новой индустриальной экологичности в качестве противовеса попыткам США использовать тему экологии в политико-манипулятивных целях. И в этом плане пространственное развитие будет напрямую обеспечивать интеграцию России в глобальную повестку дня.

Вместо заключения: ключевые дилеммы политики России в контексте новой политико-экономической гибридности

Содержательные задачи, стоящие перед Россией в контексте глобальных изменений, сводятся к балансированию в рамках нескольких содержательных дилемм, каждая из которых ситуативна, существует в конкретном времени и пространстве.

Дилемма 1: Контроль пространства или ключевых экономических или инвестиционных векторов развития. Насколько важна пространственная синергия для обеспечения устойчивого развития, или же достаточно обеспечивать контроль важнейших звеньев технологических цепочек и/или институтов монетизации прибыли. Эта дилемма становится глобальным фактором. Показательно, что даже в рамках ЕС, где основополагающим фактором было социальное выравнивание и структурная сбалансированность социально-экономического развития, начинают активно циркулировать концепции о принципиальной возможности существования «Европы разных скоростей». В социально однородных экономических пространствах, таких, как Россия или постсоветская Евразия, а тем более – Ближний и Средний Восток, данная дилемма будет еще более острой.

---

¹ Евстафьев Д. Евразия и перспективные центры экономического роста. Интересы России и возможности для евразийского сотрудничества. Дискуссионный аналитический доклад. – Казахстанско-российский экспертный IQ-Клуб. Март 2019. – URL: http://iq.expert/analytiks/knizhnaya-polka/?fbclid=IwAR2NNu2sHHyTlYmfto9-cvV_mNVdGYtSEhqZR01jquFux-YksTElfQkfeX0. (дата обращения: 10.03.2019).

Дилемма 2: Приоритет ближнего или дальнего геополитического окружения России. В современных геоэкономических и геополитических условиях, а также с учётом особенностей развития глобального информационного общества ответ на данный вопрос уже не представляется столь же очевидным, что и 15–20 лет назад. Усиливающаяся трансграничность процессов развития, а также постепенная утрата постсоветским пространством геоэкономической субъектности, в том числе и за счёт попыток многовекторного развития со стороны элит ряда стран¹, делают в ряде случаев целесообразным первичное получение влияния на ключевые точки формирующихся геоэкономических макрорегионов, где оформляются средне – и долгосрочные геоэкономические тенденции, нежели пытаться восстанавливать разрушенные технологические и социально–экономические цепочки, входя в исключительно сложный диалог с элитами постсоветских государств. Значение данной дилеммы будет в среднесрочной перспективе возрастать, равно как и неопределённость в отношении перспектив сохранения социально-экономической устойчивости.

Дилемма 3. Коммерческая прибыльность реализуемых проектов или долгосрочный геоэкономический эффект. Для России было бы крайне важно перейти, как минимум, к среднесрочному планированию прибыльности инвестиций в пространственное развитие и иные направления, рассматриваемые как инструменты противодействия системе гибридных рисков. Геоэкономика требует совершенно иного принципа инвестиционного планирования и совершенно иных подходов к оценке инвестиционной привлекательности проекта, связанных не с коммерческой отдачей, а с синергией, в том числе синергией внутренней – и внешнеэкономической. Но встаёт вопрос о том, на какой основе должны хеджироваться инвестиционные риски, неизбежно возникающие при таком подходе.

Важно отметить имманентную содержательную противоречивость дилемм, но самое главное, что последствия принимаемых решений всегда будет иметь более консервативную природу, нежели контекст, исходя из которого, соответствующие решения принимаются. В условиях флюидности геоэкономического и геополитического контекста принципиальным становится, с одной стороны, корректное прогнозирование развития не только глобальных экономических тенденций, но и перспективных направлений технологического развития², под которые будут выстраиваться и соответствующие инвестиционные циклы. Гибридный характер вызовов развитию российской государственности будет требовать нового качества государственного управления и комплексного содержательного видения проблем.

---

¹ Дегтерев Д., Василуок И., Баум В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ// Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – №1. – С. 63–75.

² Акаев А.А., Коротаев А.А. К прогнозированию глобальной экономической динамики ближайших лет.//Экономическая политика. – 2017. – Т. 12. – № 1. – С. 8–39

Библиография/ References:

1. Акаев А.А., Кортаев А.А. К прогнозированию глобальной экономической динамики ближайших лет // Экономическая политика. – 2017. – Т.12. – №1. – С. 8–39.
2. Барановский В. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 5. – С. 7–23.
3. Варнавский В. Глобализация и структурные сдвиги в мировом производстве // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 1. – С. 25–33.
4. Голубев Д.С. Факторы вероятности трансграничного распространения внутригосударственных вооруженных конфликтов // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 41–58.
5. Дегтерев Д., Василюк И., Баум В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 1. – С. 63–75.
6. Евстафьев Д. Евразия и перспективные центры экономического роста. Интересы России и возможности для евразийского сотрудничества. Дискуссионный аналитический доклад. // Казахстанско-российский экспертный IQ-Клуб. Март 2019. – URL.: http://iq.expert/analytics/knizhnaya-polka/?fbclid=IwAR2NNu2sHHyTIYmfto9-cvV_mNVdGYtSEhqZR01jquFux-YksTEIfQkfeX0. (дата обращения: 10.03.2019).
7. Евстафьев Д. Постглобализация и пространственное развитие России // Эксперт. – 2019. – № 14 (1114). – С. 70–75.
8. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. – 2019. – №1. – С.135–145.
9. Калиев Т. Расширение ЕАЭС за счет Турции или Индии изменит баланс сил в союзе – казахстанский эксперт // Евразия. Эксперт. Аналитический портал. – URL.: <http://eurasia.expert/rasshirenje-eaes-za-schet-turtsii-ili-indii-izmenit-balans-sil-v-soyuze/>.(дата обращения: 10.03.2019).
10. Мехдиев Э.Т. Евроазиатские транспортные коридоры и ЕАЭС // Международная аналитика. – 2018. – №2 (24). – С.47–56. – URL.: [https://mgimo.ru/upload/2018/07/IA-2\(24\)-2018ed.pdf](https://mgimo.ru/upload/2018/07/IA-2(24)-2018ed.pdf). (дата обращения: 10.03.2019).
11. Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. Пер. с англ. – М.: ЭКСМО, 2018. – 320 с.
12. Широкова О.В., Назаренко В.С. Государственная политика импортозамещения: предварительные итоги и тенденции // Экономические отношения. – 2017. – Том 7. – № 4. – С.343–356.
13. Haas R., «How a World Order Ends And What Comes in Its Wake» // Foreign Affairs, January/February 2019. – URL.: // <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends>.(дата обращения: 10.03.2019).

14. Nye Joseph S. Jr. «Will the Liberal Order Survive?». The History of an Idea // Foreign Affairs, January/February 2017. – URL.: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2016-12-12/will-liberal-order-survive>. (дата обращения: 10.03.2019).

1. Akaev, A.A., Korotaev, A.A. (2017) K prognozirovaniu global'noi ekonomicheskoi dinamiki blizhaishikh let [To forecasting the global economic dynamics of the coming years] // Ekonomicheskaiia politika [Economic Policy]. – Т. 12. – №1. – P. 8–39. (In Russ.)

2. Baranovskii, V. (2019) Novyi miroporiadok: preodolenie starogo ili ego transformatsiia? [New international order: overcoming or transforming the existing pattern?] // Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World Economy and International Relations]. – Т. 63. – № 5. – P. 7–23. (In Russ.)

3. Varnavskii, V. (2019) Globalizatsiia i strukturnye sdvigi v mirovom proizvodstve [Globalization and Structural Changes in the World Economy] // Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World Economy and International Relations]. – Т. 63. – № 1. – P. 25–33. (In Russ.)

4. Golubev, D.S. (2019) Faktory veroiatnosti transgranichnogo rasprostraneniia vnutrigosudarstvennykh vooruzhennykh konfliktov [Probability factors of transborder spread of intrastate armed conflicts] // Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]. – № 2. – P. 41–58. (In Russ.)

5. Degterev, D., Vasiliuk, I., Baum, V. (2018) Parametry mnogovektornosti vneshnei politiki stran SNG: prikladnoi analiz [Multiplexity parameters of the cis foreign policy: applied analysis] // Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World Economy and International Relations]. – Т. 62. – № 1. – P. 63–75. (In Russ.)

6. Evstaf'ev, D. (2019) Evraziia i perspektivnye tsentry ekonomicheskogo rosta. Interesy Rossii i vozmozhnosti dlia evraziiskogo sotrudnichestva [Eurasia and promising centers of economic growth. Russia's interests and opportunities for Eurasian cooperation]. Diskussionnyi analiticheskii doklad. // Kazakhstansko-rossiiskii ekspertnyi IQ-Klub [Kazakhstan-Russian expert IQ-Club]. – URL.: http://iq.expert/analytics/knizhnaya-polka/?fbclid=IwAR2NNu2sHHyTIYmfto9-cvV_mNVdGYtSEhqZR01jquFux-YksTElfQkfeX0. (In Russ.)

7. Evstaf'ev, D. (2019) Postglobalizatsiia i prostranstvennoe razvitie Rossii [Post-globalization and spatial development of Russia] // Ekspert [Expert]. – № 14 (1114). – P. 70–75. (In Russ.)

8. Zubarevich, N.V. (2019) Strategiiia prostranstvennogo razvitiia: priority i instrumenty [Spatial development strategy: priorities and tools] // Voprosy ekonomiki. – №1. – P.135–145. (In Russ.)

9. Kaliev, T. Rasshirenie EAES za schet Turtsii ili Indii izmenit balans sil v soiuzе – kazakhstanskii ekspert [Expansion of the EAEU at the expense of Turkey or India will

change the balance of power in the union - Kazakhstan expert] // Evraziia. Ekspert [Eurasia. Expert]. Analiticheskii portal. – URL.: <http://eurasia.expert/rasshirenie-eaes-zaschet-turtsii-ili-indii-izmenit-balans-sil-v-soyuze/> (In Russ.)

10. Mekhdiiev, E.T. (2018) Evroaziatskie transportnye koridory i EAES [Euro-Asian transport corridors and the EAEU] // Mezhdunarodnaia analitika [International analytics]. – №2 (24). – S.47–56. – URL.: [https://mgimo.ru/upload/2018/07/IA-2\(24\)-2018ed.pdf](https://mgimo.ru/upload/2018/07/IA-2(24)-2018ed.pdf). (In Russ.)

11. Shvab, K., Devis, N. (2018) Tekhnologii chetvertoi promyshlennoi revoliutsii [Technology of the fourth industrial revolution]. Per. s angl. – M.: EKSMO. – 320 p. (In Russ.)

12. Shirokova, O.V., Nazarenko, V.S. (2017) Gosudarstvennaia politika importozameshcheniia: predvaritel'nye itogi i tendentsii [Public policy of import substitution: preliminary results and trends] // Ekonomicheskie otnosheniia [Journal of international economic affairs]. – Tom 7. – № 4. – P.343–356. (In Russ.)